

У семьи Ся были достаточно возможности, чтобы без труда проверить записи о браке Ся Цзюфу и Фан Лань на материке. Ся Чуньян был законнорождённым сыном. Просто законный брак на материке Гонконг не признавал, по крайней мере, пока. Но перед смертью Ся Цзюфу уведомил Ся Чжэндэ, тем самым проложив Ся Чуньяну официальный путь. Независимо от того, признаёт ли закон этот факт, для семьи Ся Ся Чуньян был родным младшим братом Ся Чжэндэ. Под покровительством семьи Ся законы Гонконга вынуждены были уступить.

Как только семья Ся признавала за Ся Чуньяном статус законного сына, возникал вопрос о распределении наследства. Даже после того как Ся Цзюфу снял с себя бремя управления корпорацией Ся, он сохранил за собой 30% её акций, а ещё 30% передал Ся Чжэндэ при своём уходе с поста.

Ся Чжэндэ как единственный сын Ся Цзюфу (ранее) после смерти отца стал бы единственным законным наследником этих 30%. Однако теперь появилась переменная — Ся Чуньян. Согласно законам Гонконга, эти 30% акций будут разделены поровну между двумя сыновьями Ся Цзюфу. Это означало, что Ся Чжэндэ потеряет абсолютный контроль над корпорацией Ся.

Конечно, если бы семья Ся не афишировала это, признавая Ся Чуньяна лишь на словах, но не оформляя юридически, всё могло бы сойти с рук. Но при условии, что никто не будет вмешиваться.

Противники семьи Ся были как внешние, так и внутри самой корпорации. Потеря Ся Чжэндэ абсолютного контроля была бы для них праздником. Особенно на фоне вопроса о возвращении Гонконга, где, помимо семьи Ся, поддерживающих эту идею, нашлись бы и противники. Семья Ся как лидер стороны согласия могла бы серьёзно пострадать, если бы Ся Чжэндэ потерял абсолютный контроль над корпорацией, что невольно ослабило бы силы сторонников возвращения.

Любое дело, как только затрагивающее политику, становится крайне сложным. Не всякий бизнесмен или корпорация могут, как семья Ся, не только не бояться мнения правящего правительства, но и обладать силой ему противостоять. Чаще встречается сговор чиновников и бизнесменов, когда они становятся рупорами друг для друга. В деле с Ся Чуньяном, даже если бы семья Ся хотела свести это к личным вопросам, нашлось бы много сил, которые втянутся в это, чтобы превратить частное дело в публичное, закрепив статус Ся Чуньяна на уровне закона и обеспечив его законные права.

Размещение Ся Чуньяна в реабилитационном центре было, возможно, способом его защиты. Ведь внутри самой семьи Ся не было монолитного единства. А реабилитационный центр Жэньсинь принимал только представителей высшей знати, поэтому в плане безопасности и защиты пациентов он был лучшим в Гонконге. Иными словами, если только Ся Чуньян или сам Ся Чжэндэ не дадут согласия, даже визит Ся Бичуня будет отклонён.

Как законный опекун Ся Чуньяна, Ся Чжэндэ имел полное право как морально, так и юридически проверять всех посетителей и отказывать от имени Ся Чуньяна.

Пусть у оппозиционных сил и было много способов, но без доступа к самому Ся Чуньяну они были бессильны. А различные бульварные газеты и еженедельники по указанию своих закулисных кураторов распространяли о нём самые разные слухи, которые даже затмили новости о звёздах первой величины Гонконга. В одночасье Ся Чуньян, сам того не ведая, стал известен на весь Гонконг, правда весьма своеобразным способом.

Дни, когда не нужно было беспокоиться о еде и тепле, пролетали особенно быстро. Даже

несмотря на плохое самочувствие, полтора месяца пролетели как белый ветер. В этот день Ся Чуньян как обычно в сопровождении личного сиделки отправился в столовую, но вскоре заметил, что встречные медицинские работники выглядели возбуждёнными, особенно молодые медсёстры.

Пожив в реабилитационном центре некоторое время, он уже знал, насколько строгими были там правила. Высокая зарплата сопровождалась почти суровыми требованиями к персоналу. Такое внешнее проявление эмоций он видел впервые.

— Тётя Гао, что сегодня случилось? — с удивлением спросил Ся Чуньян.

Гао Ли мягко объяснила:

— Чуньян, ты крепко спал ночью, поэтому не знаешь. В четыре утра сюда поступила звезда.

Ся Чуньян недоумевал. Звёзды в реабилитационном центре бывали не часто, но и не были редкостью. Он, конечно, был наивен, но по тому, что он видел в Жэньсине, он понимал: персонал центра вряд ли стал бы так реагировать на обычную звезду.

Похоже, заметив недоумение Ся Чуньяна, Гао Ли продолжила:

— Дело в том, что эта звезда поступила в довольно особых обстоятельствах. Во время съёмки постельной сцены она неосторожно потянула поясницу, а потом ещё и упала, в результате чего произошёл вывих позвонков. Когда её привезли, она была завернута лишь в простыню... — В конце её голос затих, а на лице появилось выражение, которое можно было назвать смущением. Всё потому, что эта звезда снималась не в традиционной постельной сцене с мужчиной и женщиной, а в нишевом фильме для геев. По словам принимавших коллег, на теле пострадавшего было немало какой-то жидкости неизвестного происхождения. Конечно, об этом Гао Ли не посмела сказать прямо Ся Чуньяну, лишь смутно об этом намекнув.

Хотя Гао Ли этого не сказала, это не значило, что Ся Чуньян не узнал. В конце концов, эти сплетни были не такими уж большими, но они реально происходили рядом. Те, кто видел это своими глазами, или те, кто слышал, стали активно обсуждать произошедшее. За время завтрака Ся Чуньян услышал уже семь или восемь версий того, что случилось, а также кучу догадок от других пациентов.

Ся Чуньян не был лишён любопытства, но ему не хватало инициативы. Это было чертой характера и стиля поведения, сложившейся в прошлой жизни. Даже слушая с интересом всё утро и даже во время лечебной гимнастики, он не стал, как другие пациенты, искать повод, чтобы пойти посмотреть на звезду, поступившую в центр из-за съёмки в гей-порно.

Поэтому, когда перед ним появился мужчина средних лет в форме младшего сиделки реабилитационного центра Жэньсинь, который выглядел весьма неуверенно, Ся Чуньян, сидевший во дворе на солнышке, был в полном замешательстве.

Мужчина нервно потер руки и сказал:

— Ся... Ся-шао, здравствуйте!

Ся Чуньян не знал его, но Гао Ли знала и, нахмурившись, спросила:

— Лао Фан, что ты делаешь?

— Ничего... Ничего, просто хочу попросить... Ся-шао... — Лао Фан от вопроса Гао Ли стал ещё более нервным, и речь его прервалась.

Все они были старыми коллегами много лет, и Гао Ли хорошо знала характер Лао Фана. Если бы не недостаток образования и его неумение ладить с людьми, он бы давно получил повышение до старшего сиделки, а не топтался бы на младшей должности столько лет. Но даже на этой должности зарплата здесь была выше, чем в других местах. Исходя из многолетней дружбы, Гао Ли не хотела, чтобы Лао Фан потерял работу:

— Лао Фан! Ты забыл правила для сотрудников?!

Первое и самое важное правило сотрудников реабилитационного центра Жэньсинь гласило: ни один медицинский работник не имеет права выдвигать какие-либо требования пациентам centre, будь они разумными или нет. В случае обнаружения немедленное увольнение и запрет на наём.

Лао Фан разве не знал этого, но у него была своя невыносима нужда. Вспомнив о сыне, лежащем на больничной койке и не способном пошевелиться, он набрался духа и сказал:

— Ся... Ся-шао, умоляю, помогите! Позвольте Фану... Шэнь Хану остаться в центре для продолжения лечения! Пл... расходы мы оплатим са... сами! Умоляю, умоляю... тебя поговори с центром, попроси за нас!

Ся Чуньян недоумевал, при чём здесь он? Но не успел он отреагировать, как подбежал уборщик и крикнул:

— Лао Фан, плохо! Агент пришёл забирать человека! Уже пошёл оформлять выписку!

Лицо Лао Фана изменилось. Обычно медлительный мужик вдруг резко вскакивал, одним движением подхватил Ся Чуньяна и побежал!

Гао Ли на мгновение опешила, потом закричала:

— Лао Фан, что ты делаешь?! Охрана! Охрана... — потянулась она за рацией, чтобы вызвать охрану.

Уборщик нажал на руку Гао Ли с рацией и сказал:

— Сестра Ли, тот Шэнь Хан — сын Лао Фана. Его подставила съёмочная группа!

Когда Лао Фан с Ся Чуньяном прибежали в холл, у кассы уже собралось немало любопытных.

На каталке лежал человек, которого зафиксировали. Рядом стояли двое, похожие на ассистентов.

Увидев молодого человека на каталке, Лао Фан, прижимая к себе Ся Чуньяна, как паровоз, ринулся вперёд:

— Что вы делаете? Мы не выписываемся!

Шэнь Хан лежал с каменным лицом, словно всё вокруг его не касалось. Но, услышав голос Лао Фана, в его оцепеневшем взгляде промелькнула боль. Он не смел смотреть, не смел говорить, только зажмурился изо всех сил.

<http://bllate.org/book/16572/1513225>